

ВОЛЬТЕР В РАБОТЕ НАД «ИСТОРИЕЙ РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ»

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Публикация Н. Платоновой

Автором первой серьезной монографии о России во время царствования Петра I, написанной на основании солидных источников, является Вольтер. Выполняя заказ дочери Петра, императрицы Елизаветы, Вольтер работал около семи лет (1756—1763) над своей «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand». Целью этой книги было прославление Петра I.

Семилетняя война, разделившая Европу на два враждебных лагеря, велась не только солдатами, но и печатным словом, и среди авторов многочисленных пасквилей против России значился сам прусский король Фридрих II. Оставляя без ответа то, что на Западе—в Пруссии, Англии и прочих вражеских странах—говорилось против России и ее царствовавшего дома, русское правительство считало недопустимым. Императрице Елизавете удалось получить в соратники самого Вольтера, и этому мог позавидовать любой из ее политических врагов. Писатель, чье имя гремело на весь образованный мир, работал над историей Петра I в то время, когда войска его дочери одерживали в Пруссии одну победу за другой и, наконец, заняли Берлин. Этот факт вызывал явную досаду в прусском короле: дурное настроение по поводу того, что Вольтер взялся писать «историю сибирских волков и медведей», сквозило в его письмах в Ферне².

Над своей «Историей Российской империи» Вольтер работал, несомненно, с большим подъемом. Петр I привлек к себе внимание Европы не только эксцентричностью своей личной жизни, о которых писали «сочинители мелких анекдотов»³. Для Вольтера Петр I был воплощением идеала «просвещенного государя»; в его лице воображение Вольтера создало едва ли не героический образ «северного исполина». Кроме того, Петр поднял международный престиж России на небывалую высоту и, выдвинув свою страну в ряд европейских держав, заставил их считаться с «северным колоссом» так, как до тех пор в Европе никогда не считались с Россией. Вольтер это учитывал, это ему импонировало. Он не скупился на выражения восторга перед страной, сумевшей за полстолетия сделаться столь заметным участником европейской жизни. Это «чудо, единственное в своем роде» он собирался изобразить в своем новом труде⁴. Увлечение Вольтера было искренним. Конечно, драгоценные шубы и прочие подарки из России были ему приятны, но все же, работая над «Историей Российской империи», он испытывал неподдельный подъем творческой энергии.

История того, как знаменитейший из французских писателей XVIII в. писал о жизни и деятельности Петра I, своего старшего современника,

сложна и до сих пор еще не исследована во всех подробностях. Можно считать, что в книге Е. Ф. Шмурло «Петр Великий в оценке современников и потомства»⁵ главные этапы этой работы намечены четко и удачно, хотя и в крайне сжатой форме. Однако, и в настоящее время историк еще не располагает всем тем материалом, который позволил бы ему внести в этот вопрос полную точность, все необходимые подробности. Главные источники для этого—пять томов материалов для истории Петра I, некогда находившихся в распоряжении Вольтера, а ныне хранящихся в Рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, документы из знаменитых портфелей Г. Ф. Миллера в ГАФКЭ и, наконец, переписка Вольтера за те годы, когда писалась «Histoire de l'Empire de Russie». Этот материал, несомненно, богатый и ценный, нельзя, однако, считать исчерпывающим, и каждый новый документ, касающийся работы Вольтера над историей Петра I, представляет большой интерес.

Сейчас мы имеем возможность опубликовать целую группу таких документов, а именно: 1) ответ на 16 вопросов Вольтера. 1759 г.; 2) письма Б. М. Салтыкова к И. И. Шувалову. 1760 г.; 3) письма И. И. Шувалова к Вольтеру. 1761 г.

Все эти материалы хранятся в одном из частных собраний в Москве.

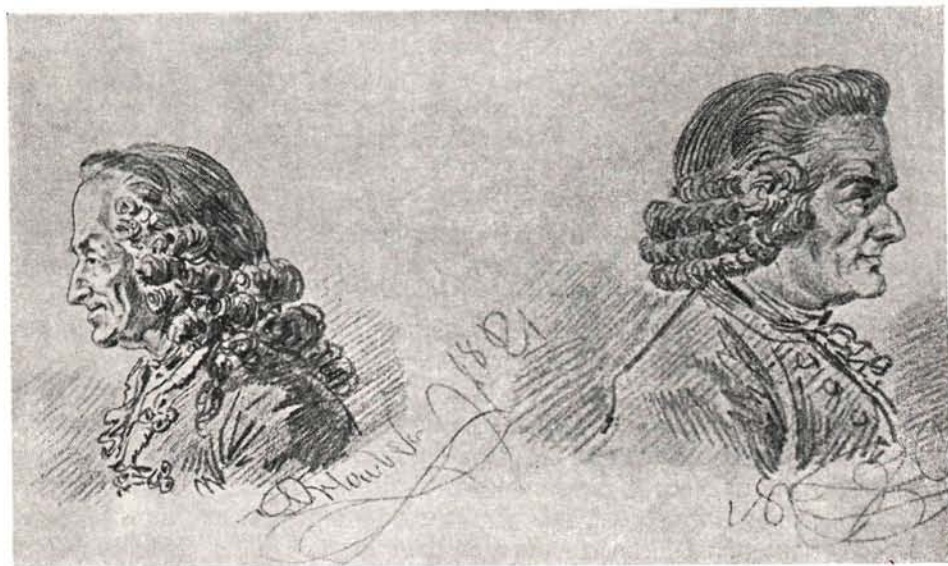
I. ВОПРОСЫ ВОЛЬТЕРА И ОТВЕТЫ НА НИХ ИЗ РОССИИ

Письма Вольтера к И. И. Шувалову заполнены просьбами о присылке ему из России материалов, необходимых для выполнения заказа русской императрицы, а также инструкций относительно того, как должны быть освещены в его «Истории» те или иные моменты биографии Петра I. С точки зрения русской царицы и лиц, ее окружавших, некоторые моменты этой биографии являлись в той или иной мере щекотливыми, и в силу этого окончательная редакция труда требовала особенно осторожного подхода и точной договоренности. Просьбы о присылке новых материалов постоянно встречаются в письмах Вольтера к И. И. Шувалову. Он торопит своих заказчиков с этой присылкой и непрерывно просит разъяснений относительно того или иного темного для него места в жизни Петра I или мало ему известных событий русской истории, указывает на непонятные ему русские слова, на неведомые ему обычаи и нравы, спрашивает, что и как следует говорить о том или ином лице или событии. В ответ Вольтеру посылались копии нужных ему документов, эстампы, медали и объяснительные записки, составленные русскими учеными. Публикуемый документ—одна из таких записок.

Текст 16 вопросов Вольтера и ответов на них, написанный мелким каллиграфическим почерком, занимает 11 страниц большого формата. На полях рукописи имеются замечания, сделанные другим почерком; это дополнения к ответам на вопросы Вольтера или же размышления неизвестного автора этих замечаний по поводу сути ответов. Судя по пометкам в тексте и вставкам на полях, наша рукопись—черновой набросок, одна из рабочих редакций ответов на вопросы Вольтера, для которых И. И. Шувалову приходилось собирать материал.

В вышеупомянутой книге Е. Ф. Шмурло, где имеются краткие сведения о такого рода записках объяснительного характера, посылавшихся из Петербурга Вольтеру, упоминается записка с ответами на 16 его вопросов,

заглавие которой тождественно с заглавием публикуемой нами записки: «Particularités sur lesquelles Mr. de Voltaire souhaite d'être instruit»⁶. В книге Е. Ф. Шмурло формулировка вопросов, принадлежащая, повидимому, самому Вольтеру, почти полностью совпадает с текстом нашей рукописи. Единственное и, притом, очень характерное исключение составляет редакция 6-го вопроса, касающегося «дела» злополучного царевича Алексея. В нашей рукописи, повидимому, точно воспроизводящей формулировку самого Вольтера, «дело» царевича Алексея называется «le malheureux procès criminel du Tsarewitz» («несчастный процесс царевича»). В редакции, напечатанной в книге Е. Ф. Шмурло по документам Гос. публичной библиотеки в Ленинграде, слово «malheureux» пропущено. И, действительно, в документе, официально присланном Вольтеру

ВОЛЬТЕР

РУССО

Рисунок А. О. Орловского, 1821 г.
Картинная галерея, Севастополь

из России, странно было бы видеть в этом контексте эпитет «malheureux», заключающий в себе осуждение инициатору процесса—Петру I.

Публикуемая нами записка не датирована. Письма Вольтера к И. И. Шувалову, известные только в печатной редакции, являются, в общем, довольно сомнительным источником для определения дат; однако, в данном случае можно базироваться на одном из этих писем, которое содержит определенное указание на наш документ. 22 ноября 1759 г. Вольтер, сообщая Шувалову о получении из России «пакета» с документами, цитирует один из ответов, точно совпадающий с текстом нашей записки. «С изумлением вижу в записках, которые бегло просматриваю, следующие слова: «имения Троицкого монастыря вовсе не огромны—они приносят дохода только двести тысяч рублей!»—воскликает он⁷. Дата 22 ноября 1759 г. вполне правдоподобна: наша записка, весьма вероятно, составлялась для Вольтера и была ему отослана во второй половине 1759 г., когда, готовясь отпра-

вить в Россию на просмотр первый, уже напечатанный том своего труда, Вольтер собирался приняться за второй и, конечно, просил новых материалов. Прутский поход 1711 г., вторая женитьба Петра I, интриги Гёрца, «дело» царевича Алексея, вопрос о сооружении больших дорог и зданий в новой русской столице, реформы в области законодательства и церковных дел—все эти темы относятся именно ко второму тому, над которым Вольтер собирался работать осенью 1759 г.

Не вдаваясь в разбор содержания публикуемой нами записки, сделаем лишь несколько беглых замечаний относительно тех осложнений в работе Вольтера, которые создавались требованиями его заказчика.

Когда Вольтер получил предложение написать сочинение, имеющее целью прославление Петра I, политическая сложность этой задачи стала для него источником самой реальной заботы: он сразу же встретился с необходимостью прибегнуть к уловкам для того, чтобы, не вдаваясь в подробности личной жизни царя, сосредоточить внимание на его государственной деятельности. По мысли Вольтера, заглавие «История Российской империи при Петре Великом» вполне отвечало такой постановке темы, так как это дало бы возможность автору, сосредоточившись на политических и экономических вопросах, избежать необходимости передавать в своей «Истории» «анекдоты» из частной жизни царя. Однако, семейная жизнь Петра была слишком тесно связана с его политической, и нельзя было избежать упоминания о ней. Громкое «дело» царевича Алексея было одним из политических деяний Петра, а его женитьба на Марте Скавронской дала последней возможность занять после его смерти русский престол и стать императрицей.

В публикуемом документе из шестнадцати вопросов четыре (5-й, 10-й, 13-й и 15-й) касаются биографии будущей Екатерины I. Крестьянское происхождение молодой литовки Марты Скавронской, ее принадлежность с детства к католической церкви и воспитание в правилах лютеранского вероисповедания, ее первый брак с рядовым шведским драгуном—все это было необычно для биографии русской царицы, а ее образ жизни у фельд-маршала Б. П. Шереметева и затем у А. Д. Меншикова давал повод к разного рода слухам, рассказам и легендам в Западной Европе. Что же нужно было Вольтеру писать о происхождении и ранней молодости второй жены Петра I, чтобы изобразить этот брак «более достойным уважения» для «наций» и ничем не оскорбить императрицы Елизаветы, их дочери? Личные достоинства Екатерины I, о которых столь красноречиво говорится в тексте ответа на 5-й вопрос Вольтера, все же не избавляли его от необходимости что-то сказать и о ее происхождении. Приписка на полях нашей рукописи в этом месте является не вставкой в текст, а скорее выражает мнение автора приписки о том, что именно следовало бы «неопровержимо доказать» относительно происхождения будущей русской императрицы Екатерины I. Сирота из бедной, но «благородной» литовской семьи, воспитанная лютеранским пастором Глюком с целью дать полное развитие ее счастливым природным свойствам,—такова была тема, на которую Вольтеру предлагалось дать вариации. Но действительно ли все это было «легко доказать»? Как и чем?

«Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» свидетельствует о том, что если эти доказательства были найдены и сообщены Вольтеру, то вполне убедительными они ему не показались: под его пером Екатерина I так и осталась «молодой литовкой», попавшей в плен при взятии

Мариенбурга, и, значит, иностранкой на русском троне, несколько лет самодержавно правившей народом, пленницей которого она некогда была. Но личная характеристика Екатерины I строго выдержана в духе ответа, который получил Вольтер; о личных достоинствах царицы он, повидимому, распространялся легко и охотно⁸.

В переводе текст рукописи следующий:

ПОДРОБНОСТИ, КОТОРЫЕ ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ г. ВОЛЬТЕР

1

Переговоры Петра I с иностранными дворами

Царствование Петра I продолжалось более тридцати лет, и почти невозможно сообщить обо всех переговорах, в течение его происходивших (для этого пришлось бы написать труд в несколько томов, что, кажется, не является намерением г. Вольтера. Кроме того, потребовалось бы особое лицо, освобожденное от всех иных занятий, для собирания в архивах ведомства иностранных дел документов обо всех этих переговорах и для производства извлечений, что потребовало бы времени, по крайней мере, год или два. Поэтому правильнее, чтобы г. Вольтер точно указал). Это привело бы к бесконечным мелочам, утомительным для г. Вольтера; впрочем, большая часть документов, относительно которых у него имеются сомнения, находится здесь или в Москве, в архивах (чтобы можно было), и будет сделано все возможное для того, чтобы дать ему необходимые объяснения; большая часть этих переговоров уже напечатана⁹.

2

Постановления относительно общей полиции, религии, финансов и торговли. Очерк о законах и о церкви, присланный мне, не дает никаких подробностей

Г-н Вольтер, вероятно, получил краткую записку о городской полиции. Она содержит сведения обо всем, что сделано в этом отношении при Петре I. Прилагается записка об учреждении мануфактур; из нее г. Вольтер возьмет то, что найдет интересным и уместным для своей работы¹⁰.

«Духовный регламент» Петра I широко известен, ибо переведен (на немецкий язык и напечатан в Данциге в 1723 г. под заглавием «Geistliches Reglement»). По всей вероятности, он также переведен и напечатан в виде приложения к книге, в которую вошли так называемые Анекдоты (князя Меншикова) о царствовании Петра Великого. Знаменитый архиепископ Феофан Новгородский написал под наблюдением Петра I (этот регламент, а также и распространенный российский катехизис и духовные сочинения о преобразовании духовенства и другие) этот регламент и прочие духовные сочинения¹¹. Продолжение очерка о церкви будет доставлено г. Вольтеру незамедлительно. Там он найдет сведения об остальном, что совершил Петр I для того, чтобы хорошо поставить духовенство и искоренить его злоупотребления. Главным образом, там имеется указ великого государя относительно монашества, изданный им незадолго до смерти. Он не напечатан, но заслуживает того, и даже следовало бы его перевести на все европейские языки в доказательство здравых и благочестивых намерений императора относительно религии. Г-н Вольтер его

найдет в дополнительной записке о церкви. Этот указ частью написан рукой Петра Великого, он касается преобразований в жизни монахов и монахинь¹².

В очерк о законах вошла только история того, что называется Jus privatum. Остальные указы, касающиеся различных отраслей государственного хозяйства, как, например, торговли, финансов, разработки недр и т. д., войдут в отдельные записки, которые будут доставляться г. Вольтеру по мере их окончания. Записка о мануфактурах составлена по этому плану; в нее вошли все указы Петра Великого, имеющие к ним отношение.

3

Письма Петра I, если таковые имеются, которые могли бы служить для ознакомления с его характером и способствовать его славе

Существует несколько собраний писем Петра I к вельможам, сохраняемых их потомками, как сокровище. Самое большое принадлежит генерал-адмиралу графу Апраксину. Из этих собраний будет сделан выбор наиболее интересных писем. Напечатанные в переводе на французский язык, в виде приложения к «Истории», эти письма могли бы служить документальным доказательством и, вместе с тем, разъяснением некоторых фактов, о которых сообщается в «Истории», если г. Вольтер не предпочтет распределить их, как найдет нужным, в основной части работы¹³.

4

Общественные сооружения, большие дороги, каналы, гавани, построенные по его распоряжению

Петр I строил города, сооружал морские гавани и каналы. Сооружения эти значатся в «Кратком хронологическом перечне наиболее замечательных событий его царствования», который будет незамедлительно послан¹⁴; обо всем этом будут доставляться отдельные записки. Петр I заботился не только о расширении больших дорог и необходимых исправлениях; расстояния от одного места до другого были точно измерены, и через каждую версту установлены столбы, на которых помечалось количество верст. Это сделали одновременно по всей империи. Множество инженеров было послано в 1715 г. для этой цели из Морской академии. Заодно они сняли карты всех губерний и областей. Петр I приказал также провести дорогу по прямой линии от Москвы до Петербурга, обычно называемую проспектом. Длина дороги—595 верст, но ездят по ней только от С.-Петербурга до реки Волхова, что составляет расстояние в 120 верст. Остальная часть дороги потребует еще больших работ.

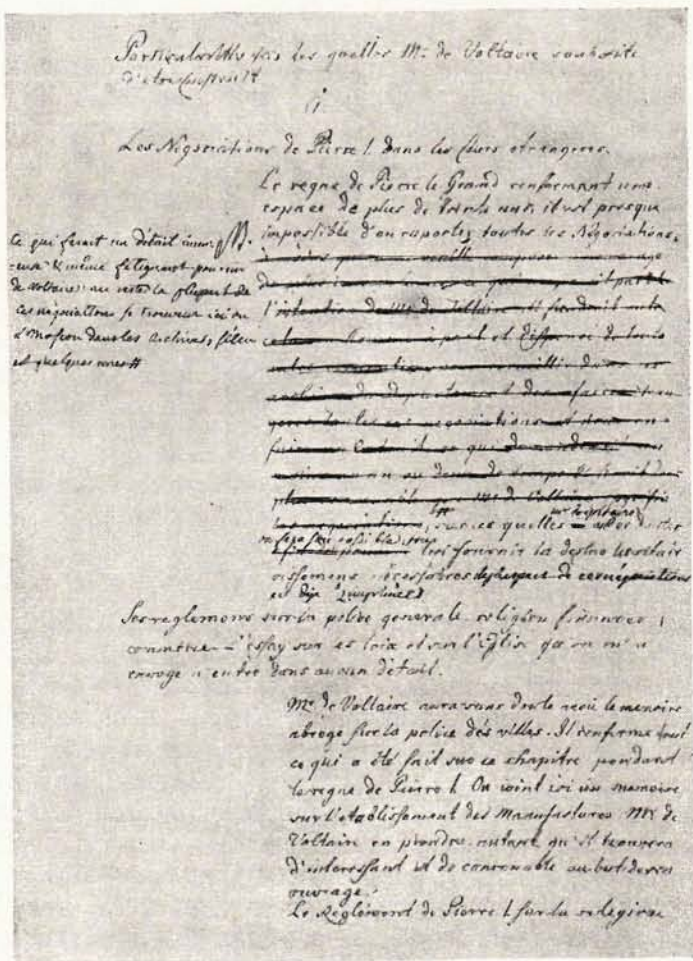
5

Все, что может сделать его женитьбу и возведение на престол его жены более достойным уважения народов

Это, бесспорно, ее выдающиеся качества душевные и внешние, ее старания поддержать своего августейшего супруга в его великих начинаниях, ее привязанность к нему, готовность всюду за ним следовать, не боясь утомления или опасностей; ее мудрые советы, которые всегда шли на пользу Петру I, которыми она заслужила и до смерти этого государя

сохранила всю его любовь и благодарность. К этому можно прибавить оправдавшую себя уверенность Петра I в том, что, если бразды правления после его смерти окажутся в ее руках, она не прекратит трудов для осуществления его замыслов и завершения того, что оставалось еще сделать для счастья его народов.

Относительно происхождения императрицы Екатерины легко опро-

ЧЕРНОВИК ОТВЕТОВ НА „ВОПРОСНИК“, СОСТАВЛЕННЫЙ ВОЛЬТЕРОМ В СВЯЗИ С РАБОТОЙ НАД „ИСТОРИЕЙ РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ“, 1759 г.

Частное собрание, Москва

вергнуть все ложные утверждения, обнародованные (легко) по этому поводу различными авторами; можно доказать легко и неопровержимо, что эта государыня была (дочерью дворянина из Польской Ливонии, правда, бедной, но) из благородной, хотя и бедной семьи Польской Ливонии, что ее отец действительно был дворянином. В раннем детстве императрица потеряла отца; мать вместе с ней приехала в Ригу, где умерла, а некто Глюк, лютеранский пастор из Мекленбурга, взял на себя воспитание юной сироты с намерением развить те счастливые склонности, которые в ней заметил.

6

Все, что может смягчить представление о чрезмерной суровости в злополучном процессе царевича

Соображения, приведшие Петра I к печальной необходимости проявить суровость в отношении царевича, подробно изложены в актах процесса, опубликованных по распоряжению государственной власти, с которыми историку должно сообразоваться. Лжеанекдоты, помещенные в виде приложения к процессу в «Государственных записках» Ламберти¹⁵,— жестокая клевета, измышленная врагами Петра I, чтобы запятнать его память и память его августейшей супруги. Чтобы придать этой лжи больше правдоподобия, публике пожелали внушить, что сведения эти получены от одного русского видного лица.

7

Каково было его участие в замыслах, которые Гёрц внушал своему государю Карлу XII?

Относительно этого г. Вольтеру нужно было бы обратиться к запискам гг. Веселовского и Бестужева, представленным в то время лондонскому двору. Они изданы (и было бы недостойно)¹⁶, и нельзя в историческом труде противоречить столь подлинным и достоверным документам.

8

Верно ли, что искони существовал род прежних сибирских царей, и что случилось с этим родом?

Род прежних сибирских ханов, которых русские называли царями, еще существует в Москве с титулом князей. Чтобы не составить себе слишком высокого представления об этих прежних сибирских царях, следует принять во внимание, что в их владения входила только область Иртыша и Тобола около его устья. Казаки, человек 600—800, с легкостью обратили в бегство последнего из ханов, Кучума, и овладели его столицей «Сибирью», местонахождение которой едва ли известно в настоящее время. Однако, некоторым из потомков этого государя, попавшим в плен, привезенным в Москву и принявшим христианство, дан был титул царевичей Сибирских и пожаловано место выше всего российского дворянства; это продолжалось до 1718 г., когда Петр I уничтожил этот титул вместе с присвоенными ему преимуществами, по той причине, что последний царевич Сибирский принял участие в заговоре, тогда составившемся, почему и был сослан в Архангельск¹⁷.

9

Что означал сан вице-царя [князя-кесаря], которым был облечен князь Ромодановский, и в чем заключалась его деятельность?

Сан князя-кесаря имел значение чисто церемониальное. Петр I, видимо, создал его для того, чтобы кто-нибудь мог производить царя из одного военного чина в другой всякий раз, как он совершал новый подвиг на суше или на море. Производство это обычно происходило перед тронном, на котором сидел князь-кесарь. Публично прочитывалось донесение о сражении; делали вид, что оно обсуждается; иной раз даже находили препятствия, возражали, и, наконец, князь-кесарь объявлял о новом чине по армии или флоту, в который он производил Петра I. Ромодановский

руководил также тайным розыском по делам об измене и прочих преступлениях против величества, но это не входило в прямые обязанности князя-кесаря. Ромодановский был судьей суровым и неподкупным и своей непоколебимой верностью приобрел доверие Петра I. Князь Федор Юрьевич Ромодановский был первым князем-кесарем. После его смерти все его титулы и должности перешли к сыну, князю И. Ф. Ромодановскому, который, однако, по личным заслугам не мог сравняться с отцом. В его лице род князей Ромодановских по мужской линии пресекался окончательно¹⁸.

10

Правда ли, что при крещении по обряду православной церкви императрица Екатерина принуждена была сказать: «Плюю на отца моего и мать, воспитавших меня в не-истинной вере?»

11

Действительно ли в обычае эти слова?

(Такие мелочи не должны бы входить в историю Петра Великого). Тех лиц, которые из другого христианского вероисповедания переходят в греческое, не крестят. Этот обряд совершают только над евреями, магометанами и язычниками; над христианами же совершается только миропомазание. Они, действительно, плюют, но не на отца и мать, а только показывают этим, что признали ложными те верования, в которых воспитаны. Все это описано в книгах, где идет речь об обрядах греческой и российской церкви. О проклятиях, которые, якобы, произносила императрица Екатерина, там нет ничего.

12

Действительно ли Петр I произнес приписываемую ему речь: «Друзья мои, кто бы подумал, что придет день торжества для нашего флота», и пр.?

Нет оснований в этом сомневаться: об этой речи сообщает автор, сам при этом присутствовавший,—г. Вебер, ганноверский резидент, чьи записки переведены на французский язык¹⁹.

13

Верно ли, что императрица Екатерина послала значительную сумму великому визирю и заключила Прутский мир?

Это весьма правдоподобно—не было иного способа выйти из дурного положения. Это не засвидетельствовано документами, но об этом рассказывают. Даже некоторые иностранные авторы сообщают, что императрица Екатерина собрала все червонцы, которые нашлись у генералов и офицеров, прибавила свои драгоценности и драгоценности других дам, сопровождавших своих мужей, и все послала великому визирю.

14

Верно ли, что после Полтавы Петр Великий подарил свою шпагу Рейншильду и взял его шпагу?

Непосредственно после Полтавской битвы Петр I обедал в палатке с некоторыми генералами и офицерами главного штаба. По его приказанию были приглашены пленные шведские генералы, и после обеда, вы-

сказываясь с похвалой о храбрости, проявленной в тот день фельдмаршалом Рейншильдом, Петр подарил ему свою собственную шпагу. Он также приказал, чтобы остальным генералам вернули их шпаги, ожидая, по справедливости, такого же знака уважения к русским пленным генералам в Швеции. Но так как в Стокгольме на это не обратили никакого внимания, то он приказал вновь отобрать шпаги у шведских генералов и отнять льготы, им предоставленные. Во время торжественного въезда Петра I в Москву всех шведских генералов вели пешком, без шпаг. Однако, дойдя до одной из сооруженных в городе триумфальных арок, где были приготовлены разные прохладительные напитки, Петр I, всегда высоко ценивший фельдмаршала Рейншильда, остановился и, взяв бокал, обратился к Рейншильду с тостом за здоровье своих учителей, обучивших его военному делу. На это милостивое приветствие монарха г. Рейншильд ответил, что дело не могло идти хорошо с тех пор, как ученик стал более искусным, чем учитель; на это Петр I милостиво ответил, что со своими солдатами и шведскими офицерами он завоевал бы мир. Если бы Петр I, подарив свою шпагу Рейншильду, взял его шпагу, то об этом, конечно, сообщил бы в своей истории Карла XII Нордберг, присутствовавший при этом²⁰.

15

В «Поденной Записке» Петра Великого²¹ говорится, что уже 10 марта 1711 г., раньше битвы при Пруте, императрица Екатерина была провозглашена царицей. Все записки говорят обратное; когда же был заключен этот брак, и почему, если она была провозглашена царицей, ей дали сначала только титул высочества?

Петр I тайно женился на ней в Польше в 1707 г. В 1711 г., 6 марта, перед отъездом в Молдавию, он объявил ее своей законной супругой, а по возвращении из похода с большой пышностью отпраздновал свадьбу. По этому случаю рассказывают следующий анекдот: когда Петр I объявил о своей женитьбе единоутробной сестре своей, царевне Наталии, и царице—вдове своего брата Ивана, первая из них ответила, что не признает этого брака законным до тех пор, пока Петр не повторит брачной церемонии в присутствии ее и всего ее двора, что он и сделал 19 февраля 1712 г. (см. «Поденную Записку» Петра Великого). В своем жизнеописании Петра I Мотлей²² называет эту свадьбу английским словом Old Wedding, указывая, что этим выражением пользовались те, кому было поручено делать приглашения на эту свадьбу. Титул высочества, который давался царицам, не то, что понимают под французским словом «altesse»; он соответствует немецкому слову «Hoheit»—королевское высочество. Он был пожалован царице Екатерине так же, как и другим царицам. И только после (того, как Петр I был провозглашен императором) коронации Екатерины и провозглашения Петра I императором ей был пожалован титул величества.

16

Употребил ли он на нужды государства доходы монастырей, и сохранил ли в его царствование монастырь Троицы свои огромные имения?

После смерти последнего патриарха Петр I учредил два различных приказа. Начальником одного приказа Петр назначил архиепископа

Рязанского; он управлял всем, что касалось духовных дел. Второй приказ, которым управлял граф Мусин-Пушкин, назывался сначала Монастырским приказом, а впоследствии камер-конторой; ему было поручено управление имениями и доходами монастырей и вообще духовенства²³. Петр I их никогда не трогал. Только излишки, остававшиеся после расходов, совершенно необходимых для существования высшего духовенства и монастырей, он употребил на постройку церквей, на открытие и содержание школ, больниц, домов призрения для бедных и сирот и на все то, что обычно называется богоугодными делами. Если и были случаи, когда он занимал у камер-конторы какие-нибудь суммы, то они всегда возмещались. В России весь доход духовенства наличными деньгами не достигает даже миллиона рублей. Кроме того, духовенство выручает со своих земель за хлеб и другие товары приблизительно столько же. Нельзя сказать, что имения Троицкого монастыря огромны. В общем, у него от 106 до 107 тысяч крепостных душ, что приносит доход деньгами и товарами около 200 000 рублей. Петр I отнял у этого монастыря 20 000 душ и дал их новому монастырю Александра Невского в С.-Петербурге с условием, чтобы доход с этих крестьян шел на постройку зданий. Но при императрице Анне настоятель Троицкого монастыря, Варлаам, так сумел воспользоваться обстоятельствами, что земли, отнятые у его монастыря, все были возвращены, а для завершения построек монастыря св. Александра Невского были изысканы другие средства.

HISTOIRE DE L'EMPIRE DE RUSSIE

SOUS
PIERRE LE GRAND,

Par l'Auteur de l'histoire de
CHARLES XII.

TOME PREMIER.

MDCCLIX.

P R É F A C E.

§. I.

Ui aurait dit en 1700, qu'une cour magnifique & polie ferait établie au fond du golfe de Finlande, que les habitans du Solikam, de Casan & des bords du Volga & du Saik, feraient au rang de nos troupes les mieux disciplinées, qu'ils remporteraient des victoires en Allemagne après avoir vaincu les Suédois & les Ottomans; qu'un Empi-

* 3 re

II. АГЕНТ И. И. ШУВАЛОВА В ЖЕНЕВЕ И ЕГО «ДЕПЕШИ»

Весной 1759 г., когда Вольтер в разгаре работы над «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand», заканчивая первый том, уже просил из России материалов для второго, в Женеву приехал посланец И. И. Шувалова, молодой Борис Михайлович Салтыков. Вместе с письмом от И. И. Шувалова, русскими мехами и чаем он привез «инструкции» и материалы для истории Петра I до 1721 г. Восхищенный Вольтер поспешил заверить И. И. Шувалова, что гость из России его приятно изумил: беседы с ним показали «фернейскому отшельнику», что «на берегах Невы и Москвы» не только писали, но и говорили по-французски «совсем, как в Версале»²⁴.

Для своего времени Б. М. Салтыков, племянник фельдмаршала П. С. Салтыкова, был человек образованный. Один из первых питомцев Московского университета, он был на хорошем счету, как студент способный и весьма приверженный к наукам. На публичном акте 6 марта 1756 г., выступив участником «диспута на французском языке из права естественного», он, как и другой участник диспута, П. Безобразов, «изумил собрание» бойкостью своих ответов. Весною 1759 г. в числе «молодых людей, достойно окончивших курс» университета и тем «возбудивших участие в Шувалове», «прапорщик Борис Салтыков» был отправлен для продолжения учения в Женеву с жалованием 350 р. в год²⁵.

В Женеве Салтыков пробыл до начала 1762 г. и несколько лет служил живой связью между русским двором и Вольтером; через него Шувалов пересылал в Ферне письма, рукописи, медали, эстампы. Склонный говорить комплименты порою весьма неумеренные, Вольтер в письмах к Шувалову не раз упоминает о высоких качествах Салтыкова, о его любви к знанию, трудолюбию и благодарной преданности своему благодетелю И. И. Шувалову²⁶. Б. М. Салтыков никогда не упускал случая побывать в Ферне, Турне и Делисах. Он там обедал, смотрел домашние спектакли, часами беседовал с Вольтером и аккуратно раз в неделю отправлял И. И. Шувалову сообщения обо всем, что видел и слышал в окружении «фернейского отшельника». По выражению П. А. Вяземского, письма Салтыкова—«настоящие депеши о том, что делалось в Делисах», их живая хроника. П. А. Вяземский называл Салтыкова «агентом» Шувалова; этот эпитет так и остался за последним в русской литературе.

Из еженедельных «депеш» Салтыкова Шувалову до сих пор напечатаны только четыре, в качестве приложения к книге П. А. Вяземского о Фон-Визине; из авторского предисловия можно сделать заключение, что текст писем воспроизведен по подлинникам, хранившимся в архиве «подмосковной» Вяземских, селе Остафьево²⁷. Были ли в то время в руках Вяземского другие письма Б. М. Салтыкова к И. И. Шувалову, остается для нас неизвестным.

Четыре письма, опубликованные Вяземским, относятся к лету 1760 г.; первое датировано 9/20 мая, второе 16/27 мая, четвертое 11/22 июля этого года; третье, не имеющее даты, было написано, как показало обращение к подлиннику, 4-го июня н. ст. 1760 г.²⁸. Письма Б. М. Салтыкова из частного собрания, от сентября того же года,—прямое продолжение «депеш», опубликованных П. А. Вяземским. Они написаны в тот момент, когда вопрос о выпуске первого тома «Истории Российской империи при Петре Великом» приобрел, в силу различных обстоятельств, особую остроту.

Выпускать первый том без разрешения русской императрицы было невозможно, и том этот, напечатанный в женеvской типографии братьев Крамеров, еще осенью 1759 г. был отправлен на просмотр в Петербург. По дороге книга пропала, и вторые экземпляры были посланы И. И. Шувалову только в апреле 1760 г. Задержка волновала и автора и издателей; все они опасались, что раньше, чем из Петербурга придет разрешение, книга будет тайным образом перепечатана на основании похищенного экземпляра. Слухи о готовящемся в Гамбурге и Голландии «незаконном» издании этой книжной новинки сильно тревожили обитателей Женевы и вольтеровских резиденций. В начале августа 1760 г. Вольтер извещал И. И. Шувалова, что не в его власти удержать братьев Крамеров, жаждавших выпустить, наконец, в свет эту книгу, изданную на их же деньги. Сам он, видимо, тоже не прочь был поторопиться с выпуском своего первого тома²⁹. Поскольку можно основываться на датах переписки Вольтера, разрешение русского двора было получено в Женеве только к 23 сентября 1760 г., и после этого Вольтер немедленно начал рассылать «Историю» своим друзьям и корреспондентам³⁰. Но от Б. М. Салтыкова, внимательно наблюдавшего за действиями автора и издателей, не укрылся тот факт, что братья Крамеры послали книгу в Англию, Францию и Германию еще до получения официального разрешения на то из Петербурга. Происходило ли это с ведома и согласия Вольтера? Для Салтыкова это было загадкой: утверждения автора и издателей расходились. Этой волнующей темы касаются письма Салтыкова от 5/16 и 12/23 сентября 1760 г.

Письмо от 19/30 сентября содержит сообщения о том, что происходит в Турне и Ферне, что говорит, думает и делает «фернейский отшельник», какие пьесы ставятся и будут поставлены на домашней сцене его «маленьких замков».

Текст писем Б. М. Салтыкова в русском переводе следующий:

(1)

Милостивейший государь!

На-днях издатель «Истории» г. Крамер послал первый том во Францию, Англию и Германию. Я просил у него объяснений, и он сказал, что вы одобрили «Историю» и об этом написали г. Вольтеру. Вместе с тем, он уверял меня, что утрата первого экземпляра никаких последствий не имела и «История» нигде напечатана не была. Не могу разгадать эту загадку. Несколько месяцев тому назад г. Вольтер подтверждал мне, что книга появилась в Гамбурге и что нюрнбергский почтмейстер был арестован за эту кражу. Я отправился к г. Вольтеру поговорить об этом, но не мог его видеть. Пойду осведомиться у него лично, правда ли, что вы ему об этом писали. Здесь книгу еще не продают. Я ее перечел и нашел в ней все те отрывки, на которые и раньше указывал вам в моем сообщении от 17 октября 1759 г.; и об императрице Екатерине попрежнему говорится, как о литовке³¹. Г-н Крамер сказал, что у него наготове, для отсылки в Петербург по первому же требованию, 50 экземпляров в хорошем переплете. Ваше имя встречается внизу 23-й страницы³². Три дня тому назад автор просил послать ему еще какие-нибудь записки о времени после Полтавской битвы.

С послезавтрашнего дня в Турне начинают играть «Альзиру» и другие пьесы г. Вольтера, с ними новую трагедию под заглавием «Фанина», которой никто еще не читал. За последние месяцы появилась анонимная

комедия в прозе «Шотландка», того же автора. В ней он превосходно изображает английские нравы.

За эти дни в Женеве рукою палача сожжена брошюра против здешних священников; на заглавном листе было имя г. Вольтера³³. Он подал жалобу первому синдик и продолжает это дело, чтобы найти клеветника, пожелавшего приписать ему это сочинение. Почти каждый день против г. Вольтера издаются брошюры, в которых нападают на него лично и на его произведения.

Имею честь вверить себя милостивому покровительству, с глубочайшим и наиусерднейшим почтением оставаясь, милостивейший государь,
ваш покорнейший и преданнейший слуга

Борис Салтыков

№ XXXIV

5/16 сентября 1760 г.,

в Женеве

(2)

Милостивейший государь!

Я осведомился у автора, разрешил ли он г. Крамеру послать за границу «Историю Петра Великого», 4 000 экземпляров в Париж. Он ответил, что ничего не может приказывать г. Крамеру, что он это сделал по собственному почину, из страха, как бы книга не была издана в другом месте,— и это несмотря на мои неоднократные заверения, что убытки ему будут возмещены. Я не счел нужным делать какие-либо упреки не только г. Вольтеру, но даже издателю, потому что дело уже сделано, а мне еще не известно, найдете ли вы, ваше высокопревосходительство, в этой работе что-либо подлежащее исправлению. Я ограничился тем, что ни слова не сказал, и жду ваших распоряжений.

На-днях в Турне давали «Альзиру». Владелец замка изображал Альвареца, а его племянница—Альзиру, при рукоплесканиях всех зрителей. Герцог де Виллар, сын знаменитого маршала, присутствовал на спектакле. Он сообщил остроту своего отца. Когда за день до взятия Милана маршала спросили, сколько ему лет, он сказал: «J'aurai demain Milan»³⁴.

Г-н Вольтер, во всех своих разговорах в обществе, продолжает выражать должное уважение покровителю российских муз.

Имею честь вверить себя милостивейшему покровительству вашего высокопревосходительства, оставаясь с наиусерднейшим и глубочайшим почтением, милостивейший государь,

ваш покорнейший и преданнейший слуга

Борис Салтыков

№ XXXV

12/23 сентября 1760 г.,

в Женеве

(3)

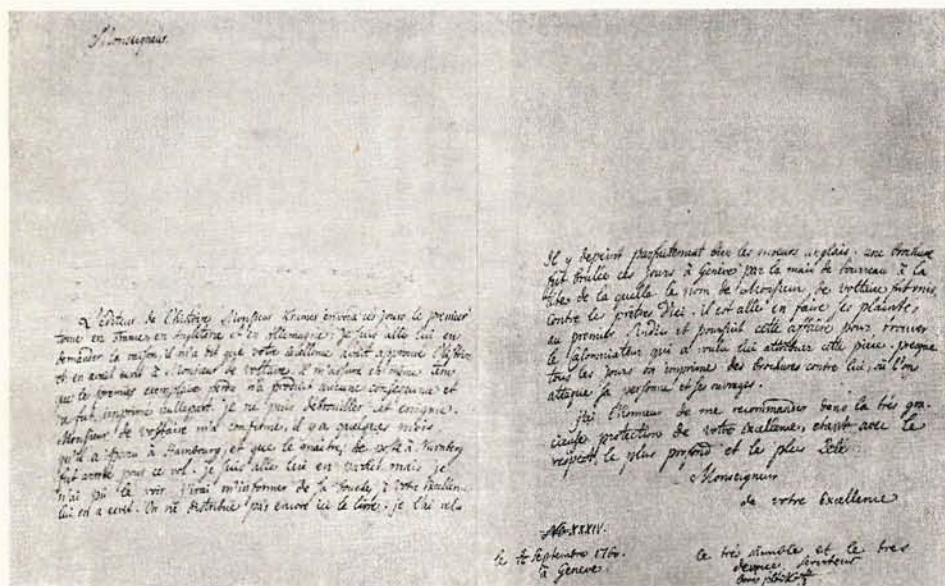
Милостивейший государь!

У меня нехватает слов, чтобы выразить свою живейшую и почтительнейшую благодарность за поощрение, которое вы благоволите обещать моим скромным дарованиям. Они ограничиваются величайшей приверженностью к родине, великодушнейшему меценату и науке. Знаю, что

похвалы г. Вольтера вы можете приписать только его желанию сделать приятное вам, одобряя ваш снисходительный выбор.

На-днях г. Вольтер оказал мне честь—был у меня и подарил экземпляр «Истории России», в котором я нашел только одно исправленное место на девятой странице предисловия. Вместо слов: «Настоящая история является подтверждением и дополнением истории Швеции», сказано, что она является подтверждением в нескольких местах³⁵. Я спрашивал у гг. издателей, обоих братьев Крамеров, правда ли, что они выпустили в свет «Историю» без согласия автора; они уверяли, что он им это приказал.

В Турне давали прошлогоднюю пьесу «Танкред, или Альменаида». Автор ее еще исправляет для того, чтобы в Париже она имела более пол-

АВТОГРАФ ПИСЬМА Б. М. САЛТЫКОВА К И. И. ШУВАЛОВУ ОТ 5/16 СЕНТЯБРЯ 1760 г. ИЗ ЖЕНЕВЫ

Салтыков сообщает о распространении в Европе «Истории России при Петре» Вольтера без официального разрешения Петербурга

Частное собрание, Москва

ный успех; поэтому она еще не напечатана³⁶. Я бываю на всех представлениях, что доставляет большое удовольствие г. Вольтеру. Он продолжает хорошо отзываться о нашей империи и лично о вас. Я просил его дать свой портрет. Он хотел дать самый лучший с тем, чтобы с него снять копию; но портрет не совсем похож, и я просил племянницу г. Вольтера убедить его в необходимости сделать с портрета гравюру; она мне это обещала, советуя подождать несколько дней.

Иногда я слушаю анекдоты г. Вольтера о французском дворе, но не смею передавать их вашему высокопревосходительству,—они более любопытны, чем значительны.

Еще он рассказал мне об одном случае—из самых странных в летописях мира, если только это правда. Это—подробная записка о супруге царевича Алексея, где утверждается, будто она жива и уже пять месяцев, как находится в Брюсселе, пользуясь поддержкой императрицы-коро-

левы³⁷. Он хотел послать вам эту записку и написать г. Шуазёлю³⁸, чтобы узнать, правда ли, что в 1757 г. эта принцесса была в Париже, как говорится в записке, и что король об этом писал королеве Венгрии, которая ее приняла под условием соблюдения инкогнито.

Относительно всего этого буду ожидать распоряжений, а также дополнительных записок для «Истории России», о которых автор часто напоминает.

Имею честь вверить себя милостивейшему покровительству вашему, оставаясь с глубочайшим и наиусерднейшим почтением, милостивейший государь,

ваш покорнейший и преданнейший слуга

Борис Салтыков

№ XXXVI

сего 19/30 сентября 1760 г.,

в Женеве

III. ПИСЬМА И. И. ШУВАЛОВА К ВОЛЬТЕРУ

Переписка Вольтера с Шуваловым за годы, когда Вольтер писал «Историю Российской империи», была очень оживленной, особенно со стороны экспансивного и нетерпеливого биографа Петра I. Для установления хронологической канвы в истории работы Вольтера, письма его к Шувалову являются далеко не всегда бесспорным и достаточным источником. Известные нам только в печатной редакции, изданные, как и огромное большинство писем Вольтера, на основании неизвестных нам документов, часто по копиям, заведомо искаженным и ставшим жертвами самой бесцеремонной редакции, письма к Шувалову далеко не обеспечивают правильной и полной датировки событий и документов. К тому же, не все письма Вольтера к Шувалову сохранились. Некоторые из них затерялись в дороге и не дошли в свое время до адресата, многие из тех, которые дошли по назначению, оказались утраченными позже, и в настоящее время в руках исследователя имеется печатный текст всего 52 писем. Ответные письма Шувалова, могущие служить коррективом к печатному тексту писем Вольтера, до последнего времени не были известны вовсе. Лишь в первом томе настоящего издания мы опубликовали перевод первого из ставших нам известными писем Шувалова к Вольтеру³⁹, а сейчас мы имеем возможность опубликовать (в русском переводе) черновые тексты еще двух писем.

Можно думать, что письма эти относятся к 1761 г. и, таким образом, хронологически следуют за вышеприведенными письмами Б. М. Салтыкова. Основанием для такой датировки служат следующие данные.

Упоминание в последних строках первого из этих черновики о «предисловии к берлинскому изданию» заставляет предположить, что это письмо не могло быть написано раньше 1761 г., когда вышел в свет немецкий перевод «Истории Российской империи» с предисловием А.-Ф. Бюшинга⁴⁰. Это предисловие было замечено в Европе. А.-Ф. Бюшинг был критик, весьма осведомленный в вопросах, связанных с прошлым и настоящим России, а между тем, его предисловие не было лестным для Вольтера: он отказывался признать Вольтера историком и заявлял, что, располагая первоклассными документами по истории России, Вольтер воспользовался ими не так, как подобало бы серьезному ученому, и что

результатом этого были многие ошибки и неточности в тексте «Истории Российской империи». И обличая в этом самоуверенного автора «Истории», А.-Ф. Бюшинг внес в редактируемый им перевод этого труда исправления и добавления, подчеркивающие ошибки Вольтера.

Подобные замечания на сочинение, которое должно было служить панегириком Петру I, не могли нравиться при русском дворе: они давали оружие в руки тем самым врагам, против которых русской царице нужна была «защита» Вольтера. Об этой «защите» и говорится в последней неоконченной фразе публикуемого нами черновика.

Таким образом, вполне правдоподобно, что «предисловие к берлинскому изданию», о котором говорится в нашем документе, не что иное, как вышеупомянутое предисловие А.-Ф. Бюшинга. Правда, на немецком языке первый том «Истории Российской империи» в 1761 г. вышел не в Берлине, а во Франкфурте и в Лейпциге, но в черновом, неисправленном наброске письма, под пером секретаря И. И. Шувалова, эпитет «берлинский» мог быть равнозначимым эпитету «немецкий». Подтверждением того, что в публикуемом нами черновике речь идет о предисловии А.-Ф. Бюшинга, служит то обстоятельство, что среди документов того же небольшого собрания имеется также и французский перевод предисловия Бюшинга.

Датировку публикуемого письма можно несколько уточнить. Повидимому, оно написано до июня (н. ст.) 1761 г., т. е. до того момента, когда в руках Вольтера оказалась подробная записка русских ученых с поправками произношения и транскрипции русских имен собственных в первом томе «Истории Российской империи»⁴¹; на это указывает в публикуемом черновике намек И. И. Шувалова на «поправки некоторых имен собственных». Намек этот мог служить предвестником «замечаний на первый том» Г. Ф. Миллера, полученных Вольтером в начале июня 1761 г. и вызвавших с его стороны раздраженные контрзамечания, о чем идет речь в письме Вольтера к Шувалову от 11 июня 1761 г.

В изданной переписке Вольтера нет письма к И. И. Шувалову, которое с полной уверенностью можно было бы признать ответом на публикуемое нами письмо. Однако, одно из напечатанных писем Вольтера можно поставить в связь с нашим черновиком. 30 марта 1761 г. Вольтер извещает И. И. Шувалова о получении его письма от 26 января, письма для Б. М. Салтыкова и записки о Камчатке и благодарит своего русского корреспондента за заботы о доставлении ему «канвы для второго тома»⁴². Если допустить, что под этой «канвой» Вольтер разумел «историю походов» Петра I под Азов, с которых должен был начинаться второй том «Истории», и «некоторые другие записки», обещанные ему Шуваловым в том письме, черновик которого мы публикуем в русском переводе, то придется признать датой этого письма 26 января (н. ст.?) 1761 г. Предположение это вероятно, но не больше: эту дату считать доказанной нельзя.

Что касается черновика второго письма И. И. Шувалова к Вольтеру, то, поскольку можно основываться на печатной переписке Вольтера, датировка этого письма не представляет затруднений. 30 июня 1761 г. Вольтер извещал Шувалова о своей работе над комментарием для собрания сочинений Корнеля, издаваемого в пользу внушки последнего, и указывал, что имя русской императрицы во главе перечня подписчиков на это издание сильно содействовало бы его успеху, а 26 августа того же года Вольтер уже приносил благодарность за живой отклик на его просьбу

со стороны императрицы Елизаветы⁴³. Ответное письмо И. И. Шувалова, извещавшего Вольтера о согласии русского двора подписаться на двести экземпляров сочинений Корнеля, могло быть написано приблизительно через месяц после письма Вольтера от 30 июня 1761 г. и за месяц до получения его Вольтером, т. е. приблизительно около 26 августа того же года. Таким образом, публикуемое письмо И. И. Шувалова можно датировать концом июля 1761 г.

(1)

[26 января (?) 1761 г.]

Я получил письмо от ...*, которым вы меня почтили. Оно доказывает, что ваша доброта и дружба все те же. И мое чувство благодарности не изменилось. Мне остается только пожелать, чтобы чувства и выражения моей признательности могли сравняться с вашей дружбой и сделать меня достойным ее.

То, что вы говорите мне лестного, государь мой, не настолько меня ослепляет, чтобы не признать, что вам одному публика обязана сочинением столь значительным. Я кое в чем похож на некоторых министров государя [Петра Великого], чью биографию вы пишете: он охотно давал своим министрам звания, а обязанности, с ними связанные, так достойно исполнял сам.

Краснея, сознаюсь, государь мой, что доставил вам очень мало материала, достойного высокой темы, над которой вы работаете, и столь прекрасного пера. Прислав вашу работу, вы меня изумили; она намного превосходит даже то, чего следовало ожидать от гения столь плодотворного и просвещенного. Вы возвели великолепное здание из простых кирпичей. Петр Великий создал грозную империю, руководимый лишь собственным гением. Вы...** историю этого государя, руководствуясь только... располагая лишь недостаточными материалами. [Только вам одному, государь мой, будут обязаны за этот труд. В этом отношении я похож на некоторых министров Петра Великого, у которых были одни звания, между тем как всю работу он исполнял сам]. Однако, правильность вашего... сумела возместить недостатки моего выбора, используя... самое лучшее и изображая его в истинном свете. Философские размышления, которыми вы украшаете истину, учат понимать факты и, вместе с тем, человеческие обязанности. Прекрасные деяния, вами рассказанные, побуждают людей с возвышенной душой подражать им; они будут примером и предметом восхищения для самого отдаленного потомства.

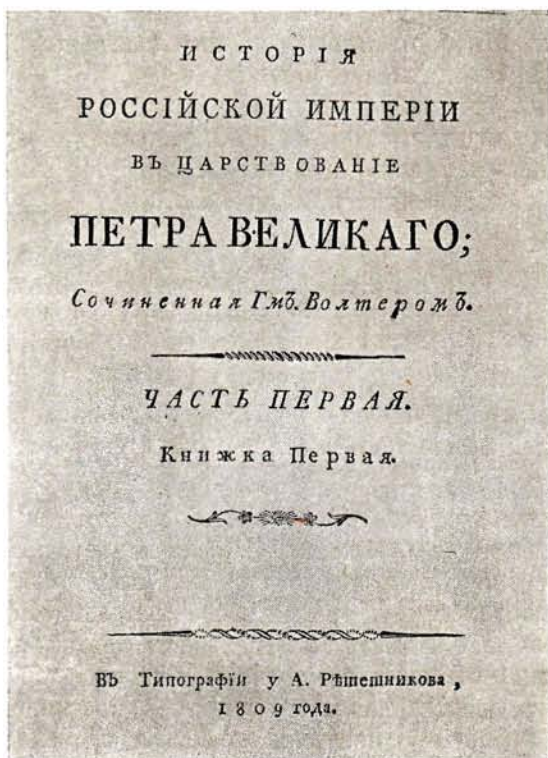
Я рассчитываю послать вам... историю походов (героя) и некоторые другие записки, которые я... с наивозможной тщательностью. Я не... приношу извинений за стиль документов, которые (сообщаю) посылаю; если бы он был лучше, это не облегчило бы вашего труда, и стиль документов, все равно, не оказал бы никакого влияния на ваш стиль.

Я бы только наскучил вам перечислением (изменений) поправок в некоторых именах собственных. Я считал бы их необходимыми (в отношении других) для понимания обстоятельств, имеющих к ним отношение. До сих пор я не хотел сообщать вам, государь мой, о маленьком замечании, которое здесь делают некоторые лица (относительно). В предисловии

* Пропуск в тексте подлинника.

** Как этот, так и все последующие пропуски вызваны тем, что угол документа оторван.

к «Истории Российской империи» вы говорите, что она является подтверждением и дополнением к «Истории Карла XII». Возражают, что содержание книги большей частью не имеет никакого отношения к (Карлу XII) шведскому королю. Некоторые лица решились высказать такое соображение; о правильности его предоставляю судить вам. Неизвестно, откуда идет гнусная клевета на наш народ, которая распространяется из-за репутации, созданной недавно предисловием к берлинскому изданию. Мы как нельзя более признательны вам и ценим ваш интерес к тому, что нас касается. Ваша защита, подобно...

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ „ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО“ ВОЛЬТЕРА НА
РУССКОМ ЯЗЫКЕ, 1809 г.

Титульный лист первой части

В переводе на русский язык текст второго черновика следующий:

(2)

Господину Вольтеру

[Конец июля 1761 г.]

Давая мне возможность оказать некоторую услугу семье великого Корнеля, вы даете мне высокое доказательство вашей дружбы и обязываете меня к величайшей признательности. Ваше намерение благородно и достойно вас: осуществляя его, вы сооружаете великолепный памятник отцу французского театра. Эта награда после смерти—урок для живых; способствуя бессмертию высоких гениев, вы увековечиваете примеры,

достойные подражания. Прошу вас, государь мой, подписаться на двести экземпляров для русского двора. Одновременно посылаю вексель на 800 дукатов, что составляет их стоимость.

Чувствую себя весьма обязанным за то, что вы сообщили мне свои соображения о новом издании «Петра Великого»; в настоящее время я подбираю сюжеты для эстампов, которые намечаются для книги⁴⁴. Не премину предварительно послать их вам и постараюсь заслужить ваше одобрение раньше, чем отдам их гравировать.

Ваше намерение, государь мой, мне тем более приятно, что в новое издание вы не откажете внести исправления, согласно замечаниям, мною вам посланным — тем, которые вы сочтете самыми необходимыми. Я ожидаю этого от вашей доброты, прошу во имя вашей дружбы. Вы знаете по опыту, что зависть преследует великих людей. Могу вас уверить, она нападает и на тех, кого ласкает судьба. Некоторые мелочи, отмеченные этими людьми ограниченного ума, которых занимают только подробности, могут быть поставлены в вину тому, кто всегда будет считать славой для себя оставаться с совершенной приязнью и...

Сверху документа помета на полях:

НВ. Думаю, что нет надобности извещать Вольтера о получении его письма. Содержание настоящего письма достаточно говорит о том, что письмо г. Вольтера получено.

Внизу приписка секретаря:

Я не переписал письма начисто, не будучи уверенным, что ваше высокопревосходительство в нем чего-либо не измените.

Таковы документы, вносящие некоторые новые штрихи в историю того, как работал Вольтер над «Историей России в царствование Петра I». Из частного собрания, где они до сих пор хранятся, документы эти совсем недавно попали в круг зрения исследователей, и факт их случайного обнаружения дает надежду на вероятность новых находок подобных же материалов, которые дадут возможность пополнить пробелы в истории того, как Вольтер работал над своей книгой о России.

Великому французскому писателю, чье имя гремело тогда на весь мир, была привлекательна задача изобразить в своем новом труде картину культурного роста великой северной страны, еще так недавно почти совсем неведомой в Европе. Вольтер не мог не чувствовать и не видеть, что в жизни далекой Московии совершился крупный переворот: обширная страна, до сих пор отделенная от остальной Европы не столько «морями», «пустынями» и «горами», сколько образом жизни, культурой и мировоззрением, вышла на мировую сцену и зажила общою жизнью с европейскими народами, причем вышла настолько сильною материально, что к ее голосу надо было прислушиваться, и прислушиваться с осторожностью, со вниманием: Вольтеру казалось, что, знакомя с этой новой Россией западных современников, он становится причастным делу ее реорганизатора Петра I: как тот ввел Россию в круг европейских держав и заставил Запад считаться с ней, так и Вольтер мечтал ввести ее в круг зрения и внимания культурной Европы и пробудить там к ней интерес. Знаменитейшему из европейских писателей того времени эта задача казалась и приятной и лестной, и мимо этого факта современный нам советский исследователь не пройдет без внимания.

БЮФФОН

Копия с портрета маслом Друэ, 1761 г., по преданию, подаренная Бюффоном И. И. Шувалову
Музей Московской области, Истра

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перечень и краткую характеристику сочинений о Петре I, изданных в XVIII в. в Европе, см. в книге Е. Ф. Шмурло, *Петр Великий в оценке современников и потомства*. Вып. I (XVIII век), СПб. 1912, 51; см. также Р. Минцлов, *Петр Великий в иностранной литературе*, СПб. 1872.—Впечатления Вольтера о современной ему литературе о Петре I см. в его письме к И. И. Шувалову от 11 августа 1757 г.—*Oeuvres complètes de Voltaire*, éd. M o l a n d, 3393. Это издание в дальнейшем цитируется: M o l a n d, с последующим номером, под которым в этом издании напечатано цитируемое письмо.

² Письмо Фридриха II к Вольтеру от 31 октября 1760 г.—M o l a n d, 4317.

³ Письмо Вольтера к И. И. Шувалову от 8 июня 1761 г.—M o l a n d, 4564.

⁴ Письмо Вольтера к И. И. Шувалову от 20 апреля 1758 г.—M o l a n d, 3597.

⁵ Е. Ф. Шмурло, *op. cit.*, 49—60; примечания, 69—83.

⁶ По другому оригиналу эта записка опубликована в книге: E. Šmurlo, *Voltaire et son œuvre «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand»*, Prague, 1929, 213—226.

⁷ M o l a n d, 3988.

⁸ См. «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand».—M o l a n d, XVI, 519—520, 522, 525—526, 537—540.

⁹ Дипломатические документы времени Петра I печатались с 1733 г. известным историографом академиком Г. Ф. Миллером (1705—1783) в издании С.-Петербургской академии наук—«Sammlung Russischer Geschichte».

¹⁰ Точных данных о получении Вольтером записок, перечисленных в ответе на его 2-й вопрос, в печати не имеется; только в письме к И. И. Шувалову от 25 октября 1760 г. Вольтер упоминает, что им получена в Ферне «Записка о торговле» вместе с письмом И. И. Шувалова от 11 сентября (н. ст.) того же года.—M o l a n d, 4307.

¹¹ «Духовный регламент», составленный, по поручению Петра I, архиепископом Новгородским Феофаном Прокоповичем (1681—1736), заключал в себе положение о реформе церковного управления, преобразованного по образцу гражданских коллегий. Утвержденный Сенатом 23 февраля 1720 г., он был напечатан в России в 1721 и 1722 гг.; в Данциге вышел в двух изданиях—1724 и 1725 гг.; на французском языке издан во второй части книги «Anecdotes du règne de Pierre Premier, dit le Grand, Czar de Moscovie, contenant l'histoire d'Eudochia Federowna et la disgrâce du prince de Menscikov... 1745». Ср. Минцлов, *op. cit.*, 381 и 544.

¹² О получении двух записок «о монахах и монахинях» Вольтер извещал И. И. Шувалова в письме от 14 мая 1760 г.—M o l a n d, 4122.

¹³ На получение Вольтером писем Петра I имеются указания в его письме к И. И. Шувалову от 8 июня 1761 г.—M o l a n d, 4564.

¹⁴ Об этом «Кратком перечне...» см. А. Ф. Бычков, *Письма Петра Великого*, хранящиеся в Имп. публичной библиотеке, СПб. 1872, 124. Очевидно, Вольтеру была послана копия этой рукописи.

¹⁵ Точное заглавие книги: L a m b e r t i, *Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle*, La Haye, 1724—1740, 14 vols. in 4°. В рукописях Вольтера, хранящихся в Публичной библиотеке, имеется записка, озаглавленная: «Remarques sur quelques endroits du chapitre contenant la condamnation du Tsarewitch avec les réponses aux questions mises en marge». См. Е. Ф. Шмурло, *op. cit.*, примечания, 77. «Записка о царевиче» («Le Mémoire sur le Czarewicz») была получена Вольтером из России 29 октября 1761 г., см. Минцлов, *op. cit.*, 100, а также письмо Вольтера к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г.—M o l a n d, 4731.

¹⁶ Г ё р ц Георг-Генрих (1668—1719)—голландский министр, немец по рождению. Перейдя в 1714 г. на шведскую службу, вел интригу в пользу сепаратного мира Швеции с Россией и против «северного союза» России с Пруссией и Данией. Интрига эта, грозящая осложнением отношений России с Англией, отражена в дипломатической переписке, частично опубликованной за границей еще при жизни Петра I. Сведения об издании записок Ф. П. Веселовского и М. П. Бестужева в Англии, Франции, Германии и Голландии см. у Минцлова, *op. cit.*, 347, 348, 352, 353 и 354. В е с е л о в с к и й Федор Павлович—русский резидент в Лондоне с 1717 г.; Б е с т у ж е в-Р ю м и н Михаил Петрович (1688—1760)—русский резидент в Лондоне с 1720 г.

¹⁷ Царевич С и б и р с к и й Василий Алексеевич считался замешанным в деле царевича Алексея. После его ссылки сыновьям его велено было «писать» к н я з ь я м и Сибирскими.

¹⁸ Р о м о д а н о в с к и й Федор Юрьевич, князь (ум. 1717 г.). После стрелецкого восстания 1687 г. ему был поручен надзор за царевной Софьей. Отправляясь в первое

заграничное путешествие (1697), Петр I дал ему титул «князя-кесаря и величества». Он же подавил стрелецкое восстание 1698 г. и вел «розыск» по этому делу. После смерти Ф. Ю. Ромодановского его титулы и места получил его сын Иван (ум. 1730 г.).

¹⁹ Записки Вебера Христиана-Фридриха, прожившего в России 6 лет (1714—1719), по частям и под разными заглавиями неоднократно издавались: в Амстердаме (1725), Париже (1725), Гааге (1729 и 1737). См. Минцлов, *op. cit.*, 138 и 139.

²⁰ Двухтомная книга Нордберга, биографа Карла XII, вышла в Стокгольме на шведском языке в 1740 г.; во французском переводе издана в Гааге в 1742 г.

²¹ «Журнал или Поденная Записка... государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира или История Свейской войны»—коллективное сочинение, над которым трудился сам Петр I вместе с вице-канцлером Шафировым, Феофаном Прокоповичем и др. Сочинение это было издано лишь в царствование Екатерины II—СПб. 1770—1772.

²² Mottley Джон (1692—1750)—автор книги «The history of the life of Peter the First, Emperor of Russia», изд. в Лондоне (1739 и 1740) и Дублине (1739 и 1740).

²³ Эти приказы были основаны указом Петра I от 24 января 1701 г. «Архиепископ Рязанский»—известный духовный писатель и проповедник Стефан Яворский (1658—1722).

²⁴ Письмо Вольтера к И. И. Шувалову от 29 мая 1759 г.—Moland, 3858.

²⁵ С. Шевырев, История Московского университета, изданная к столетнему его юбилею. 1755—1855, М., 1855, 22, 28, 74, 85 и 97.

²⁶ См. письма Вольтера к И. И. Шувалову за годы 1759—1762.—Moland, 3971, 3983, 4082, 4122, 4144, 4264, 4307, 4379, 4554, 4564, 4690.

²⁷ П. А. Вяземский, Фон-Визин, СПб. 1848, стр. III—IV, 13—14, 303—305.

Подлинники опубликованных П. А. Вяземским писем Б. М. Салтыкова к И. И. Шувалову хранятся ныне в ГАФКЭ (фонд 195). Изданы они были в соответствии с оригиналами, за следующими исключениями:

1. Заключительные строки, совершенно тождественные во всех 4-х письмах, воспроизведены полностью только в первом письме. 2. Во втором письме имеется пропуск следующих слов: ...un si grand homme. Monsieur de Voltaire lui dit d'abord: Monsieur, vous êtes de l'ordre qui ne croit pas à l'immaculation de la sainte vierge, qui prête serment de croire le contraire et qui en est dispensé après par une bulle du pape. Le chanoine l'avoua... (...столь великий человек. Г-н Вольтер сначала ему сказал: Государь мой, вы принадлежите к ордену, не верящему в непорочность святой девы, дающему обет верить в обратное и получающему затем разрешение от этого греха папской буллой. Каноник признал это...). 3. Опущены надписи:

—на обороте второго письма: de Mr Soltikoff, du 16 May;

—на 1-й странице третьего письма: de Mr Soltikoff. 4. Опущена дата в третьем письме: le 4-e Juin n. st. 1760 à Genève. 5. В подлиннике первое письмо пронумеровано: XVII (а не XVI, как в книге П. А. Вяземского).

Согласно справке ГАФКЭ, кроме 4-х писем, воспроизведенных П. А. Вяземским в его книге «Фон-Визин», в архиве никаких иных писем Б. М. Салтыкова к И. И. Шувалову не имеется.

²⁸ См. предыдущее примечание.

²⁹ Письма Вольтера к И. И. Шувалову от 6 октября, 22 ноября 1759 г.—Moland, 3940 и 3983; от 1 апреля 1760 г.—4082; от 2 августа 1760 г.—4210; от 14 мая 1760 г.—4122 и к де Меран от 9 августа 1760 г.—4219.

³⁰ Письма Вольтера к гр. де Трессану от 23 сентября 1760 г., к герцогине Саксен-Готской от 27 сентября, к г-же де Фонтэн от 29 сентября, к маркизу де Шовелену от 3 октября, к Тьерю и к Дамилавиллю от 8 октября 1760 г.—Moland, 4268, 4278, 4284, 4290, 4291 и примечание к последнему.

³¹ См. «Histoire de l'Empire de Russie...».—Moland, XVI, 479: «Среди них [пленных при взятии русскими войсками Мариенбурга в 1702 г.] была молодая литовка... это та самая, которая впоследствии стала государыней тех, кто взял ее в плен».

³² См. *ibid.*, 379: «Граф [sic] Шувалов, камергер императрицы Елизаветы, быть может, самый образованный человек империи, согласился в 1759 г. сообщить историку Петра подлинные документы; «История» написана только на основании их».

³³ Повидимому, здесь имеется в виду брошюра «Dialogues chrétiens», par M. V..., imprimés à Genève. См. письма Вольтера к г. Борду от 5 сентября и к доктору Троншону от 7 сентября 1760 г.—Moland, 4245 и 4248.

³⁴ «Завтра у меня будет Милан». Непереводаемая игра слов: mille ans (тысяча лет) и Milan.—Маршал de Villars Гектор (1653—1734) взял Милан в 1733 г.

³⁵ Первый том «Истории Российской империи» вышел в 1760 г. уже частично исправленным по указаниям из Петербурга. См. Е. Ф. Шмурло, *op. cit.*, 58. Современные нам издания сохраняют прежнюю редакцию этой фразы. См. Moland, XVI, 380.

³⁶ Трагедия «Танкред», написанная весной 1759 г., впервые была поставлена во «Французской комедии» 3 сентября 1760 г.; напечатана в 1761 г.; Альменаида—героиня этой трагедии.

³⁷ «Императрица-королева» — Мария-Терезия (1717—1780), королева Венгрии и Чехии и римско-германская императрица. Об этой легенде и интересе к ней Вольтера см. в I томе настоящего издания, 161—165.

³⁸ Choiseul Этьен-Франсуа (1719—1785)—французский министр иностранных дел с 1758 по 1761 гг.

³⁹ См. в I томе, 159—161.

⁴⁰ «Franz Maria Arouet de Voltaire. Geschichte des Russischen Reichs unter Peter dem Grossen. Aus dem Französischen übersetzt von Johann Michael Hube und mit Zusätzen und Verbesserungen, herausgegeben von D. Anton Friedrich Büsching», Frankfurt, 1761, 1—12.

Кроме этого издания, существовало другое, вышедшее в Лейпциге в том же 1761 г., но без предисловия А.-Ф. Бюшинга.—Büsching Антон-Фридрих (1742—1793)—географ и собиратель материалов по истории России; с 1760 по 1765 гг. жил в Петербурге.

⁴¹ Письмо Вольтера к И. И. Шувалову от 11 июня 1761 г.—Moland, 4568.

⁴² Moland, 4505.

⁴³ Moland, 4595 и 4654.

⁴⁴ Речь идет о втором издании первого тома «Истории Российской империи при Петре Великом», которое начали готовить сразу же после выхода первого; для него предназначались все поправки, о которых шла речь в переписке Вольтера с И. И. Шуваловым за 1761 г.

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
Л Е Н И Н

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

33-34

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · М О С К В А · 3 · 9